
НАСИЛИЕ — ДИАЛЕКТИКА СУБЪЕКТИВНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО

А.А. Сурков

Кафедра социальной философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Философия часто обращает свое внимание на проблему насилия. Существует обширная традиция, которую можно было бы смело назвать «философией насилия». Этой теме касались практически все мыслители, занимавшиеся вопросами этического характера, политической философией, философским анализом эволюции и т.д. Не будет преувеличением сказать, что вопрос о природе насилия в человеческом обществе — один из центральных для социальной философии. Сегодня, когда на наших глазах происходят большие изменения в области международного права, когда война все еще является самым распространенным продолжением политики другими средствами, необходимо обратиться к анализу тех путей развития общества, которые были предложены мыслителями, много писавшими о том, что такое насилие в человеческом обществе, откуда оно берется и можно ли представить социум без него.

В число текстов, обязательных к прочтению исследователем, обратившим свое внимание на данный предмет, входит статья В. Беньямина «К критике насилия». Это небольшое произведение важно не только тем, что в нем открывается особый взгляд на изучаемую проблему, задается определенная терминология, но и тем, что оно является отправной точкой для других исследований и интерпретаций. Этот текст Беньямина стоит в центре философской традиции критики насилия XX в., связывая таких разных мыслителей, как Ж. Сорель, Х. Арендт, Дж. Батлер, С. Жижек и др. Текст словенского философа, как, впрочем, и все, что он делает, не остался незамеченным. В свойственной ему провокационной манере Славой Жижек ставит некоторые вопросы о насилии «ребром», заставляя нас задуматься о происходящем вокруг, о тех трактовках реальности, что дают нам СМИ. Однако для полноценной философской интерпретации его текста необходимо читать его, возвращаясь к В. Беньямину. Позиция автора «О насилии», как мы увидим, остается далекой от тех путей, которые наметил немецкий философ, по-настоящему создававший «критику», т.е. такой нарратив, который бы позволил аргументировать отказ от насилия как социальной практики.

Оставаясь в данном произведении большим марксистом, чем он сам, возможно, о себе думает, Жижек начинает с рассуждения об изначальном насилии системы, которое является неотъемлемой частью экономико-политической структуры общества, скрепленной определенными идеологическими константами: «Когда мы осознаем некоторый акт как насильственный, мы оцениваем его с помощью предполагаемого образца, т.е. того, что мы считаем „нормальным“ ненасильственным действием» [5. С. 55].

Жижек считает наличие этого образца высшей формой насилия. Это процесс, через который осуществляется мое признание окружающей реальности как имеющей право быть такой, какая она есть. Включение насилия в общественную систему в качестве структурирующего элемента распространено среди мыслителей, принадлежащих к различным философским и социологическим школам. В предисловии к своей работе «Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества» Дуглас Норт, Джон Уоллис и Барри Вайнгаст утверждают: «То, как общества решают существующую всегда и везде угрозу насилия, задает и структурирует формы, которые может принимать человеческое взаимодействие, включая типы политических и экономических систем» [2. С. 32]. Здесь упускается из виду взаимообратность процессов. Борьба с насилием, которое определенным образом структурирует общественную структуру, начинается с того, что само это насилие из структуры выделяется: «Две стратегии исключения: одна, по сути дела, приговаривает к изгнанию — исключается все то, что не может быть включено; другая, напротив, действует по принципу исключать, чтобы включать, или — включается все то, что может быть исключено ради включения» [3. С. 41]. То есть насилие не только задает векторы движения общественной структуре, но и само является порождением этого движения. Конечно, каждый раз, когда мы в повседневной жизни сталкиваемся с примерами крайней жестокости, нам трудно отказать от того, что мы видим, и признать, что этого всего не существует. Вместе с тем мы должны понимать, что все происходящее не случайно, а является закономерным проявлением объективной ситуации, общественной структуры.

Оговоримся, что человек имеет, в конечном счете, возможность выбирать — и это действительно акт его подлинной свободы. Но вместе с тем мы должны спросить, например, у Ж.-П. Сартра — разве не является насилием, что я должен выбирать именно таким образом, именно между тем или этим? Разве пришедший к нему студент, вынужденный выбирать между любовью к родине и любовью к матери [4], не является уже жертвой определенного системного насилия, приведшего его к такому, а не иному выбору? Если является, тогда что заставляет его соглашаться с подобным выбором?

Идеология, являющаяся тем, что должно придать легитимный статус системному насилию, стремится облечь свое существование в форму мифа, а это значит, что ей необходимо пространство для искажения смыслов обыденного языка. Необходимо, чтобы субъективное насилие, выплескивающееся на улицы городов и деревень, было в языковом пространстве отдалено от объективного насилия. В их основу в таком случае должны быть положены противоположные принципы. Тогда борьба с конкретным (субъективным) проявлением насилия является поддержанием системы насилия объективного [11. С. 174], чего, собственно любая идеология и добивается.

В своем очередном киноэксперименте «Киногид извращенца: идеологии» Славой Жижек начинает рассуждения с того, что мы рассуждаем не совсем верно, когда представляем идеологию в образе очков, надеваемых нами для искажения реальности. На примере фильма «Чужие среди нас» (оригинальное название: «They Live») он пытается показать, что идеология имеет сущностное отношение к со-

циальной структуре. Она является тем перводвигателем, который придает импульс определенным наборам общественных отношений и связей. Она не искажает реальность, она есть сама эта реальность. Именно при обсуждении этого фильма С. Жижек, по сути, ведет речь о том, что ранее высказал в работе «О насилии». Сцена драки главного героя с его лучшим другом — это сцена субъективного насилия, прямого и жестокого, не имеющего рациональной причины, которое совершается, в конечном счете, ради насилия объективного (Нада бьет друга, чтобы он надел очки и увидел, а Фрэнк дерется, чтобы не надевать очки и не видеть). Исследователь в своем «Киногиде» в определенном смысле предлагает нам сосредоточиться на раскрытии именно объективного насилия, а не субъективного, являющегося от него производным.

Итак, Славой Жижек выделяет несколько уровней насилия — объективное, разделенное на два типа, и субъективное: «субъективное насилие — это самая видимая часть триумvirата, который также включает два вида объективного насилия. Во-первых, существует „символическое“ насилие, воплощенное в языке и его формах, то, что Хайдеггер назвал бы „наш дом бытия“... Во-вторых... „системное“ насилие, или катастрофические последствия спокойного функционирования наших экономической и политической систем» [5. С. 1]. Далее Жижек замечает, что «уловка в том, что субъективное и объективное насилие не могут быть восприняты с одной и той же позиции: субъективное насилие воспринимается только в соотношении с ненасильственным нулевым уровнем. Оно кажется нарушением „нормального“, мирного положения вещей. В то время как „объективное“ является неотъемлемой частью этого „нормального“ положения вещей... Системное насилие, следовательно, есть нечто похожее на печально известную „темную материю“ в физике, аналог (counterpart) слишком видимого субъективного насилия» [5. С. 2]. Именно это пространство между двумя видами насилия и использует в своих целях идеология. Философ употребляет слово «counterpart», которое в сочетании с предлогом «to» имеет значение аналога. Вместе с тем одно из возможных прочтений смысла этого слова — противная сторона в судебном процессе.

Эта разница в смыслах крайне интересна и отображает диалектику объективного и субъективного в насилии так, как ее понимает Жижек. Неразрывно связанные между собой, они могут функционировать только имея противоположные принципы в своей основе. Если, скажем, мы полагаем, что системное насилие берет свое начало в тотализирующем принципе тождественности, то импульсом к субъективному насилию должно стать стремление к различению. Обращаясь к истории, мы можем заметить, что прежде чем создать абсолютно гомогенное общественное пространство, литературно описанное как пространство «одинаковости», нацистам потребовалось добиться постоянной работы различия на субъективном уровне. Между этими двумя принципами (различия и тождественности), как и между объективным (1) и субъективным насилием, существуют отношения, которые смело можно назвать диалектическими. Невозможно увидеть эти два вида насилия с одной и той же точки. Они не могут быть описаны одними языковыми выражениями.

Для того чтобы охарактеризовать системное насилие капиталистической системы, Жижек обращается к лаканианскому психоанализу, отличающему реальность и Реальное: «„реальность“ — это социальное пространство действительных людей, вовлеченных во взаимодействие и в процесс производства, в то время как Реальное является суровой абстракцией, призрачной логикой капитализма, которая детерминирует то, что происходит в социальной реальности» [5. С. 11].

Таким образом, получается, что за любым проявлением крайней жестокости, которое приковывает к себе наше внимание, стоит определенная логика развития системы, социальной структуры. Для словенского философа эти отношения являются однонаправленными, они детерминируются одной стороной. Это позиция характерна для мыслителей марксистского толка, которые признают, что экономика в итоге детерминирует остальные сферы общественной жизни. Однако все это представляется нам упрощенным взглядом на отношения субъективного и объективного насилия. Необходимо избавиться от этой прямой детерминации. Принципы тождественности и различия, лежащие в основе насильственных актов, не могут быть схвачены подобным образом.

Существует пространство, в котором «Я» и «Ты» могут общаться свободно от необходимости различать или сводить к одному, пространство подлинного взаимодействия, где совершается выбор, определяющий связь системного и субъективного насилия.

Для примера мы можем обратиться к классической фотографии времен Вьетнамской войны: перед нами два человека на улицах Сайгона. Один из них, генерал войск Южного Вьетнама, держит на вытянутой руке пистолет, начинает нажимать на курок. Второй, солдат или офицер Армии ДРВ, ощущая приближение смерти, весь сжимается, изменяется в лице. Фотографу удалось остановить реальность в моменте перехода объективного насилия в субъективное. За-секунду-до-смерти означает, что самого радикального акта субъективного насилия — убийства — еще не произошло. В то же время, за-секунду-до-смерти и убийца, и жертва выступают как чистые субъекты, лишённые связей с системой и ее объективным насилием. Так можно ли тогда говорить, что это убийство детерминировано социально-экономическим положением, в котором две сверхдержавы, удовлетворяя свои геополитические интересы, играют свою шахматную партию, разменивая пешку за пешкой? Жижек, судя по всему, призывает нас ответить на вопрос утвердительно. Мы же должны стремиться проникнуть в этот момент «за-секунду-до», с позиции которого и возможна критика диалектики субъективного и объективного насилия. Для этого необходимо двигаться от «О насилии» к «К критике насилия» В. Беньямина, которым С. Жижек, безусловно, был вдохновлен при написании своей работы.

В упомянутом эссе, которое, без преувеличения, можно назвать центральным для всей традиции философии насилия XX в., В. Беньямин отмечает, что мы можем отыскать пространство ненасилия, которое заключено в подлинном общении с Другим: «существует одна настолько ненасильственная сфера достижения человеческого согласия, что она совершенно недоступна насилию: подлинная сфера „взаимопонимания“, язык» [1. С. 81].

С нашей точки зрения, подлинное отношение к другому человеку как раз и заключено в этих моментах за-секунду-до. В них оказываются несостоятельными все относящиеся к системному насилию предварительные условия, в силу которых двое оказались в пограничной ситуации. В то же самое время субъективное насилие теряет свою энергию, заключающуюся в создании атмосферы страха, т.к. самое страшное уже случилось (уже принято или отвергнуто решение стрелять в голову в упор) и заключительный акт насилия не более чем банальная развязка истории.

Эта интимная ситуация предстояния друг перед другом не только является самой ненасильственной сферой, но и потенциально может обернуться радикальным насилием. Неудивительно, что в логике Бенямина самой ненасильственной акцией оказывается разрушающая всю общественную структуру труда революционная забастовка, вызывающая у других авторов (да и большинство обывателей) неподдельный страх: «первая форма прекращения работы является насилием, так как она влечет за собой лишь поверхностное изменение условий труда, вторая, являясь чистым средством, ненасильственна. Ибо она состоит не в готовности снова приступить к работе после поверхностных уступок и незначительных изменений условий труда, а в твердом намерении возобновить работу только в форме полностью измененного труда, без государственного принуждения» [1. С. 84].

Этот вывод разрушает детерминистскую концепцию С. Жижера, сближаясь с более литературным и даже мистическим представлением о насилии Жоржа Сореля. Словенский мыслитель, в свою очередь, всеми силами старается избежать этого движения Бенямина, старательно обходя его, даже когда пишет о божественном насилии.

За-секунду-до — основа наших контактов с Другим. Эти моменты являются подлинным пространством человеческой свободы, обреченной выбирать и нести ответственность после сделанного выбора. Возможно, в этом и заключается основной смысл колониализма, который начинается не в том, из-за чего спорил Энгельс с Дюрингом, не в экономике и не в силе. Колониализм начинается с решения, с момента за-секунду-до вступления на новый континент, когда выбрана судьба аборигенов и надо нести ответственность. Все остальное — просвещение, колониальная архитектура или образование, поддержка местной знати или расстрел рабочих-повстанцев — есть лишь последствия сделанного выбора, осуществленный потенциал структуры, т.е. системное насилие, переведенное в регистр субъективного. В момент решения реальность замирает, с напряжением ожидая будущего. Самым красивым историческим примером, возможно, будет Карибский кризис, когда мир остановился за-секунду-до атомной войны.

Эти моменты являются преградами на пути к полному доминированию системы над индивидуальным сознанием, с которым Жижер фактически смиряется. Общественные структуры, скоординированные единой идеологией, не должны допускать критических ситуаций, в которых появляется выбор. Особенно это заметно в современном мире, развивающемся через постоянные кризисы. Постоянный рост производства, его расширение достигается путем регулярных перезагрузок, удаления ненужного балласта, отбора самых конкурентоспособных субъектов экономической деятельности. Эта экономическая особенность с необходимостью

должна быть нивелирована в структуре стабильными элементами, ведь иначе вся конструкция окажется под угрозой разрушения.

Сглаживание углов может происходить по-разному. История XX в. показывает нам, что есть разные пути поведения господствующих элит в условиях, которые угрожают структуре радикальными изменениями или ее полной сменой. Революционеров и недовольных расстреливали, сажали в тюрьмы, с ними велись переговоры, они иногда входили в состав правительства и т.д. Зачастую подобные способы преодоления кризисных ситуаций мы связываем с капитализмом до его перехода в постиндустриальную фазу. Ныне реальность генерируется при помощи средств массовой информации. Необходимо внушить потребителям, что система стабильна, только пока они потребляют.

Выбор, осуществляющийся в пространстве абсолютной свободы предстояния перед другим, является перекрестком, из которого вырастает как правоустанавливающее, так и правоподдерживающее насилие [1. С. 74]. В идеальной ситуации субъективное насилие является правоустанавливающим: оно не разрушает систему целиком, не угрожает ей, не играет на ее стороне, оно лишь «победоносно утверждает себя» [1. С. 77]. Оно недолговечно, эмоционально. Лучшим примером здесь является эксперимент Зимбардо (Стэнфордский Тюремный Эксперимент, СТЭ): Стэнфордская тюрьма изначально является продуктом «объективного насилия». Таковы, так сказать, условия игры, условия участия в эксперименте. Смоделированная ситуация, однако, не гарантирует авторам исследования появления реальных случаев насилия. Право уже было установлено самим Зимбардо. «Субъективное» насилие возникнет лишь тогда, когда отдельным участникам эксперимента начинает казаться, что выстроенный порядок или начинает разрушаться, или слишком репрессивен и должен быть изменен. Изменение это, однако, не соответствует беньяминовскому определению ненасильственного, ведь оно не преобразует всю систему целиком. Для правильной интерпретации СТЭ необходимо обратиться к моментам подлинного общения между двумя его участниками, в котором возникает потребность в установлении нового права, а значит, и выбор в пользу субъективного насилия. Это пространство, в котором человек решает, быть насилию или нет. Неудивительно, что именно здесь идеология, перед которой стоит задача сохранения существования системного насилия, обращается к созданию мифов, способных заставить человека сделать свой выбор в необходимом направлении. Не случайно В. Беньямин упоминает другого великого исследователя насилия Ж. Сореля. Именно в теории последнего отыскивается взаимосвязь между понятиями «миф» и «насилие», именно французский мыслитель позволяет глубже понять ситуацию радикального выбора между насилием и ненасилием, в котором «Я» оказывается в момент открытия для себя другого человека.

Таким образом, необходимо совершить движение, возвращающее нас от текста С. Жижека к тексту В. Беньямина и, в итоге, к Ж. Сорелю. Это позволит нам в полной мере использовать различие, проведенное словенским философом, открыв его диалектику и связав его экзистенциальным выбором конкретного человека, решившего применить насилие в той или иной ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Признавая ценность различения С. Жижеком двух форм объективного насилия — языкового и системного — в нашей работе мы, в силу определенных требований к объему работы, концентрируемся только на втором. Именно поэтому термины «системное» и «объективное» насилие используются как синонимы. Для тех положений, где это требуется и которые соответствуют рассуждением словенского мыслителя о первом виде объективного насилия, нами используется термин «символическое насилие».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бенъямин В. К критике насилия // Учение о подобии: медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012.
- [2] Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во института Гайдара, 2011.
- [3] Подорога В. Время после Освенцима и ГУЛАГ: Мыслить абсолютное зло. М.: lettera. org, Изд-во «Логос», 2013.
- [4] Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: http://sceptis.net/library/id_545.html (Дата обращения: 11.04.2014).
- [5] Žižek S. Violence. London: Profile Books, 2009.

REFERENCE

- [1] Ben'jamin V. K kritike nasilija // Uchenie o podobii: mediajesteticheskie proizvedeniya. M.: RGGU, 2012.
- [2] Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i social'nye porjadki: konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva. M.: Izd-vo instituta Gajdara, 2011.
- [3] Podoroga V. Vremja posle Osvencima i GULAG: Myslit' absoljutnoe zlo. M.: lettera. org, Izd-vo «Logos», 2013.
- [4] Sartre Zh.-P. Jekzistencializm — jeto gumanizm // Nauchno-prosvetitel'skij zhurnal «Skepsis». URL: http://sceptis.net/library/id_545.html (Data obrashhenija: 11.04.2014).
- [5] Žižek S. Violence. London: Profile Books, 2009.

VIOLENCE: DIALECTICS OF THE SUBJECTIVE AND THE OBJECTIVE

A.A. Surcov

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198